

УДК 81'37

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ЭКСПЛИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ АДЫГСКОГО ЭТНОСА

© Саида Казбековна САПИЕВА

Адыгейский государственный университет

385000, Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

E-mail: atika16@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы основные характеристики термина «языковая картина мира» и его связь с национально-культурной сферой определенного этноса. Основной целью исследования является описание национальной ментальности адыгского этноса через языковую картину мира. Для этого за основную единицу интерпретации адыгской этноментальности избран значимый для данной лингвокультуры концепт 'адыгагъэ' (=«адыгство»). С точки зрения лингвистов, адыгагъэ – это тот морально-этический, правовой и мировоззренческий фундамент с нормами и правилами поведения во всех жизненных ситуациях, на котором базируется целая философия бытия адыгов. В этом плане для анализа концептуальных признаков, репрезентирующих данный концепт, в качестве материала избраны художественные тексты писателей, являющихся своего рода носителями адыгского сознания. Для достижения поставленной цели нами используются различные методы и приемы, среди которых основными являются концептуальный, контекстуальный, описательный, количественный и семантический методы, а также используется методика выявления ключевых слов. Анализ этих признаков показывает, что концепт 'адыгагъэ' в авторском гипертексте перерастает в суперконцепт, вбирая в себя не только специфические вербализации исследуемой этноментальности (такие концептуальные признаки, как «джегу» (игрище), «адыгэ хабзэ» (адыгский этикет), «куначество»), но и культурные концепты ('родина', 'семья', 'свобода').

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; ментальность; адыгство; концептуальные признаки

Как известно, языковая (наивная) картина мира представляет собой совокупность знаний об окружающей действительности в сознании языкового коллектива, закрепленных с помощью средств этого языка. Она, как и большинство лингвистических единиц, бинарна, то есть имеет свой план содержания и план выражения. План содержания языковой картины мира представляет собой многомерное динамическое образование, характеризующее специфику сознания индивидуального, группового или коллективного носителя языка и отражается в стратегиях и тактиках речевого поведения. План выражения языковой картины мира есть репрезентация этих типов сознания в устном и письменном виде в различных речевых формах. Таким образом, языковая картина мира – это одна из форм экспликации действительности в языковом сознании, ее вербальное овнешнение. Особенностью языковой картины мира является то, что в отличие от других картин мира она обладает способностью проявлять национальную специфику языка. Так, известный лингвист В.Н. Телия по этому по-

воду пишет: «Языки отличаются не только грамматикой и лексиконом... но еще и *национально-культурной спецификой членения мира* – выделения в нем существенных для данного народа и его экологической сферы элементов, свойств, явлений... эти различия (в членении мира) принадлежат языковой картине мира» (курсив наш. – С. С.) [1, с. 103-104]. Национально-культурная специфика определяется историей, традициями, стереотипами, символами и культурными кодами народа – тем, что составляет этническую основу любой национальной ментальности. Ментальность народа, в свою очередь, это «мыслительный инструментарий», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и исторически обусловлен, унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем непременно изменяется в процессе его творчества, всей исторической практики» [2, с. 305].

Мы делаем попытку рассмотреть суть национально-культурной ментальности адыгского этноса в призме языковой картины ми-

ра на материале художественных произведений кавказских писателей.

Существует множество подходов к определению национально-культурной ментальности, но наиболее распространенным является лингвокультурологический подход, который опирается на антропоцентрическую парадигму взаимосвязи человека, языка и культуры. Язык с этой точки зрения понимается как смысловая сфера функционирования морально-этических норм и традиций этнокультурной общности, формирующих модели ее идентичности и определяющих ее национально-культурный облик.

Центральной единицей лингвокультурологии является концепт. Это «многомерное культурно-значимое социо-психическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме» [3, с. 16]. Концепты могут реализовывать себя как в слове, так и в целом дискурсе, зачастую образуя целые коннотативно-вербальные сети.

Они представляют собой инструмент описания не только языковой картины мира этноса, но и составляют основу для выявления смыслов в художественном мире автора. Для описания языковой картины мира в когнитивном сознании адыгского этноса как репрезентации его национальной ментальности мы будем использовать концептуальный анализ художественных текстов в качестве основного метода выявления базовых концептов, что в дальнейшем позволит определить значимые ценности данного этноса и выявить закономерности их взаимодействия.

Среди трудов, посвященных описанию концептов в адыгской лингвокультуре, следует выделить работы З.Х. Бижевой (2000, 2004), С.А. Кушу (2004), З.М. Хамизовой (2007), Б.А. Чич (2010), С.М. Гузиевой (2011) и др.

В нашем исследовании представляется интерес рассмотрению концепта «адыгагъэ» в творчестве кавказских писателей для уяснения сути ментальности адыгского этноса и его культурно-нравственной ориентации через язык.

Для начала обратимся к самому термину «адыгагъэ». На сегодняшний день лингвисты и социологи определяют адыгагъэ как «совокупность взглядов, основой которой является

специфическая система морально-нравственных, этических и некоторых других норм, соотносенных с общечеловеческими ценностями и ориентированных на них» [4], как «долг рыцарской чести, основанный на принципах адыгского этикета, на идеализированных свойствах национального характера» [5], как «мощный социальный регулятор жизни адыгов» [6] и т. д.

«Понятие это весьма широкое по объему и глубокое по содержанию», – писал еще в 1957 г. Ю.К. Намиток, стоявший у истоков зарождения новой науки этнопедагогики, впервые обратившись к воспитательной роли поговорок и пословиц родного языка. По его мнению, «адыгагъэ» (= «адыгственность» в авторском тексте. – С. С.) означает совокупность лучших нравственных качеств человека (трудолюбие, мужество, храбрость, гуманность, скромность, вежливость, гостеприимство, уважение к старшим, культура речи, культура поведения, чувство долга и чести и др.)» [7, с. 34].

Обратимся к следующим когнитивным признакам, эксплицирующим концепт «адыгагъэ» в художественной картине мира кавказских писателей.

Первое, что хочется отметить при анализе текстов художественных произведений, что при описании различных национально-культурных особенностей адыгов наиболее яркими и значительными являются коннотации, определяющие такие базовые концепты, как «семья», «родина», «свобода», которые в своей семантике несут универсальные понятия общечеловеческих ценностей.

На примере художественных текстов Т.М. Керашева и Г.Л. Немченко рассмотрим вербализации концептуальных признаков, характеризующих исследуемый концепт.

Концептуальный признак «родина»

Данный концептуальный признак представляет собой одну из важнейших констант в этнокультурной и ментальной сфере адыгского народа. Высокий патриотический дух и любовь к родине для адыга – это безграничные чувства к родной земле, не дающие ее предать и покинуть, вызывающие в его душе чувства гордости, отрады и восхищения. Именно любовь к родной земле с ее необыкновенной природой, наделившей горцев чертами свободолюбия и независимости, добле-

сти и самопожертвования, более века не давала захватчикам в годы Кавказской войны завладеть ею.

(1) Жизнь, наполненная отчаянной и постоянной борьбой за существование, за кров свой, за родную землю, породила у адыгов и соответствующее понятие мужской красоты: привлекательным и достойным уважения почитался лишь суровый облик мужа-воина, и пусть невзрачна его одежда, но должна она хранить отметины боевитой мужественности того, кто побывал в переделках, обветрен бурями битв и обтесан трудностями походов. (Керашев Т.М. Одиноким всадник) [8].

Концептуальный признак «народ»

Трудно представить родную землю без народа, который там живет. Дружелюбие, отзывчивость и добрососедство были основными принципами, на которых строилось адыгское общежитие. Маленького адыга учили правилам морали, которые предупреждали недопустимое неуважительное отношение к людям, с которыми ты живешь. О глубинных понятиях и связях поколений адыгов гласит и следующее народное пожелание: «Дай Бог нам вернуться к предкам с чистой совестью», в котором отражается «вера адыгов в потусторонний мир и кораническая ответственность поколений за благонравное существование на земле перед ранее жившими и перед будущим» [9].

Профессор У.М. Панеш при анализе образа главного героя Т.М. Керашева Ерстэма из романа «Одиноким всадник» верно подмечает, что «писатель намеренно создает собирательный образ народного героя, поскольку «прошлое адыгов, накопленный ими духовный опыт имели не только самоценное значение. Они могли дать миру, всему человечеству то, чего не мог дать ни один другой народ»:

(2) *Да так оно и получалось: вещь, сшитая рукой Гулез, являлась верной приметой высоких достоинств человека, носившего ее, потому что Гулез, следуя духу своего народа, удостаивала своими подарками не родовитость и богатство, а мужество и человеческое достоинство.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(3) *Ерстэма вдруг будто осенило: все песни, «которые исполняла Суанд, – героиче-*

ские песни. И словно просветлел разум: «Да, у этой девушки обостренное чувство чести своего сословия. И печаль ее не печаль позора, просто у нее острее, чем у других, обида подневольной жизни, которую вынуждены терпеть фокотли. И об этом ее грусть...» (Керашев Т.М. Одиноким всадник) [8].

(4) *Наверное, в крови каждого человека есть нечто такое, что чутко отзывается на звуки родных песен. Неизъяснимую власть имела адыгская песня и над Ерстэмом. Вот и сейчас: песни Суанд сладостной болью сжимали его сердце и будили в душе острую любовь и жалость к народу, сложившему эти песни.* (Керашев Т.М. Одиноким всадник) [8].

(5) *Хатияко поднимает руки, призывая к тишине:*

– *Наш дальний, наш дорогой гость приглашает нас на праздник в горы его родной Осетии! – и обращается к Мухтарбеку. – Они народ доверчивый, адыгейцы...* (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

Концептуальный признак «семья»

Общеизвестно, что семья у адыгов играла огромную роль важного социального института, где дети получали первые знания и навыки поведения в обществе, подражая старшим и следуя их советам. По этому поводу известный русский разведчик на Кавказе Федор Торнау в своих воспоминаниях писал: «Лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кротко и почтительно отвечать на его вопросы...» [11, с. 87]. Народная педагогика адыгов располагала различными методами воспитания, главными из которых были чрезвычайная строгость и даже суровость в отношении к подрастающему поколению (наказывать детей за какие-либо проступки было естественным правом родителей, а если наказанный пожалуется отцу, тот повторно наказывал его. – С. С.) и беспрекословное послушание младших старшим:

(6) *Следуя обычаю адыгейских мужей не проявлять нежных чувств к своим детям, Мос держал сына в чрезвычайной строгости. Зато он не скупился на ласки полюбившейся ему чужой девочке, и девочка привязан-*

лась к дяде Мосу больше, чем к родному отцу, который проявлял такую же **суровость**, как и Мос к своему сыну. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(7) Анчок при этом обычно стоял в стороне, подтянутый и почтительный. Как истинный маленький адыгеец, он со своей стороны тоже **никогда не показывал своих чувств к отцу**. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(8) Как настоящий кавказец, Казик **старшему подчинялся**, но ночью, ткнувшись в подушку, скрипел зубами и молча глотал слезы. (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

Несмотря на строгость воспитания, адыгские дети никогда не подвергались телесному наказанию. С раннего детства ребенок впитывал в себя уважение к старшим, чувство стыда и страх вызвать у взрослых порицание:

(9) А если в драке со сверстниками сын получал тумаки и возвращался к матери с плачем и визгом, она спокойно говорила ему: «Дай-ка посмотреть, из-за чего ты так визжишь! Или ты не мужчина? Мужчины не плачут!» И Ерстэму было достаточно этих слов. С детства почувствовал, что слово «мужчина» – гордое слово. И то, как мать упрекала его, серьезно и с ласковой насмешкой: – «Не получится из тебя настоящий мужчина!» – больно ранило его. Так постепенно мать научила его **стыдиться плача**. И впредь какие бы побои он ни получал в потасовках со сверстниками, он не разрешал себе плакать, в особенности при матери – **боль и обиду молча с яростью проглатывал**. (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

Великая роль в адыгской семье отводилась женщине. С детских лет мать прививала детям любовь к родной земле и ее священным символам и наравне с мужем воспитывала в них чувство собственного достоинства и почтение к священным и мудрым традициям и обычаям. Наряду с необыкновенной красотой гармонично в ней сочетались острый ум, оваянный мудростью тысячелетий, и изысканность манер, красноречие и деликатность, смелость и самопожертвование:

(10) Ерстэм относился к матери не только с сыновьей любовью, но и с большим уважением. Правда, человеческие достоин-

ства матери он смог по-настоящему оценить лишь после того, как сердце его с разумом стали равны. Только тогда понял он смысл выражения – «достойная женищина» и научился различать среди женищин таких, в которых соединены были все лучшие, по тогдашним понятиям адыгов, черты и достоинства. Это они, так называемые хорошие жены, являлись примером **несгибаемой стойкости и самопожертвования**, это они умели вопреки всем бедам сохранить семью. Нелегко им приходилось, но никто никогда не слышал от них жалобы, никто не видел слез – они **умели скрывать свои страдания и, не смотря ни на что, старались внести в мрачную жизнь хоть тоненький луч радости**. За честь семьи такие женищины готовы были **отдать душу**, а за жизнь родных людей умели **бороться со всем самоотвержением преданного сердца**. **Чутко охраняя всеобщее спокойствие, стараясь заслонить собой от невзгод окружающих, они молча таили в душе всю горечь неприглядной жизни**. **Неутомимые и скромные, проходили они жизнь неприметными спутницами своих мужей, неся на плечах главную тяжесть семейных забот**. (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(11) И до этого в ауле знали Гулез как умную и славную девушку, да еще, что особенно ценилось у адыгов, за ней давно утвердилась слава **непревзойденной рукодельницы**. Как сама она выделялась красотой среди девиц аула, так и вещь, шитая рукою Гулез, выделялась изяществом. И с тех пор как: Гулез прославилась далеко за пределами своего края, каждый мужчина, удостоившийся носить вещь, вышедшую из-под ее иглы, гордился этим как знаком отличия. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

Еще одной важной традицией в семейно-бытовом плане жизненного устройства адыгов являлось **аталычество** и **канство** – понятия, отражающие собой определенную систему воспитания ребенка в чужой семье, при которой воспитатель – **аталык** (<тюрск. ата «отец, старший, родитель») учил своего подопечного – **кана** (<тюрск. кан «воспитанник») общественным нормам поведения, традиционным обычаям и порядкам, нравственным законам, этикету, вероисповеданию, присущему его народу:

(12) *Поглядывая на них двоих, я иногда с невольной печалью размышлял: и впрямь жаль, что нет уже нынче этого обычая – отдавать мальчика на воспитание опытному джигиту-аталыку. Когда-то на Кавказе эта была одна из самых славных традиций, которая объединяла не только разные семьи и разные фамилии, но и разные народы.* (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

Особое место в межличностных отношениях отводилось и соседям. Недаром у адыгов бытует народная пословица: «Прежде чем строить дом, выбери себе соседа». Издревле народ считал, что хороший сосед бывает ближе, чем иной родственник, и в организациях различных семейных торжеств соседи зачастую оказывались наравне с ближайшей родней:

(13) *«Выходит, – решил Ерстэм, – и здесь, как у нас в Абадзехии, соседи помогают друг другу и радость и горе переживают сердце к сердцу, рука об руку. Но ясно и другое: верно, доброй славой пользуется семья Батыма, иначе соседи не пришли бы ей на помощь так охотно и быстро».* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

Семья Гулез хранила исконное **добрососедство** с обедневшей семьей покойного Моса (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

Концептуальный признак «Адыгэхабзэ»

Кавказские писатели в своих творениях представляют демократические нравы горцев, включающие высокие ценности адыгского этикета – **адыгэхабзэ**. По мнению одних ученых, термины **адыгагъэ** и **адыгэхабзэ** идентичны [12], вторые через **адыгэхабзэ** определяют понятие **адыгагъэ** [2; 5], третьи считают, что **адыгэхабзэ** является структурным компонентом **адыгагъэ** [6]. Мы придерживаемся последней точки зрения, поскольку здесь нас привлекает ориентация на то, что **адыгагъэ** это не только свод нравственно-этических и морально-правовых норм, ацелая философия адыгской жизни, регламентирующая мировоззрение и мироощущение адыга с самого рождения до ухода его в мир иной, это «духовно-исторический феномен культуры», ключевое понятие, «на котором строится сложная концепция национального сознания и самосознания адыгов» (курсив наш. – С. С.) [13, с. 76], концепция, «говоря-

щая» о том, что было, о том, что есть, о том, что будет» [5, с. 14].

Кабардинский этнолог Б.Х. Бгажноков, впервые целенаправленно посвятивший свои работы феномену адыгской этики, выделил пять основополагающих ее принципов: **цъыфыгъэ** // **цъыхугъэ** – человечность, **нэмыс** – почтительность, **акъыл** – разумность, **ллыгъэ** – мужество, **напэ** – честь [5, с. 9]. Практически во всех произведениях, посвященных жизни адыгов, писатели в различных формах репрезентируют эти понятия и их принципы:

(14) *Но не только корсет был тогда крепок у черкесских невест: незыблемые правила «адыгэхабзе» – кодекса чести, прививаемые с самого нежного возраста, сообщали и тот самый высокий дух «человечности, известный как «адыгагъэ», и чуткий, вроде нынешнего радара, характер, чтобы подстроиться под нрав суженого...»* (Немченко Г.Л. Вольный горец) [14].

(15) – *А что главное?.. Главное – научиться блюсти горский этикет... Рыцарский кодекс чести... уже знаете что это?..*

– *У моего народа это – **намыс**, честь, – с чувством говорит Мухтарбек.*

– *У нас – **адыгагъэ**! – торжественно поддерживает ставший серьезным хатияко.*

– ***Адыгэхабзе**! – те кричат из публики.* (Немченко Г.Л. Счастливая черкесска) [10].

(16) *Таура ввели в кунацкую и развязали руки. Освобожденный, он с достоинством обратился к Ерстэму:*

– *Ерстэм, делать добрые дела, помогать людям в беде – таково твоё счастье. Имя ему – **мужество и человечность**. Больше мне нечего добавить.* (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(17) *Всего многообразия мужественности не перечтешь. Нет тут разницы между большими и малыми делами, между войной и мирной жизнью. **Мужество, доблесть, чуткость, ум, мягкосердечие, твердость характера** – все добрые человеческие качества входят в понятие мужества.* (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

Адыгэхабзэ и традиционная культура адыгов неразрывно связаны между собой. Адыгская культура включает в себя множество обычаев, обрядов и ритуалов (некоторые из которых, правда, на сегодняшний день исчезли или трансформировались), и

представляет собой важный инструмент в познании адыгской ментальности. Когнитивные признаки, представляющие этнические элементы адыгских обычаев и традиций, находят следующее представление в авторских текстах:

а) гостеприимство (куначество):

(18) *Все лучшее, что готовится в доме, в первую очередь посылают в куначкую. Поздней ночью в куначкую Батыма принесли угощение. Вскоре после приезда Ерстэма его **поспешно накормили** – чтобы гость утолил первый голод, попотчевали жареным сыром и простоквашей. Но настоящее угощение было готово только сейчас. Ерстэм немало удивился количеству и разнообразию блюд. Для такой маленькой фокотлевской семьи угощение было слишком роскошным.* (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(19) *И вот дорогой гость сидит за столом-треногой – традиционным **анэ**. По обеим сторонам от него Мурад и отец в черкеске и в папахе, чуть неподалеку – другие гости, а по обе стороны двери замерли двое мальчишек, по первому жесту готовые услужить старшим...* (Немченко Г.Л. Счастливая черкеска) [10];

б) почитание старших:

(20) *Наверняка еще грела память о деликатности муфтия, и я не удержался, сказал юркнувшему уже в спину:*

– Учат-учат меня черкесы, что **старшему непременно надо первым пройти**, а я все забываю, сибирская привычка срabатывает: пропускать молодых...

Пропустить впереди себя того, кто моложе, значит – потерять лицо. (Немченко Г.Л. Газыри) [15].

(21) *Старший предложил гостю занять почетное место, указав на изголовье кровати.*

– Садись хоть и князь, а все же гость...

Князь минуту подумал и ответил:

– Глупо было бы пытаться установить свои законы в чужом краю. Я хоть и гость, а молод, и вы не допустите, чтоб я совершил то, что по вашим обычаям неприлично. Садись ты, **старший, на почетное место**, а я могу и здесь посидеть. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8];

в) законы товарищества:

(22) *Ко дню суда в аул съехались многочисленные друзья Анчока, все большие моло-*

*дежь его возраста. Среди них были и два фокотля из Бжедугии. Молодые люди на суде заявили: Анчок – наш побратим, **мы связаны с ним не только дружбой, но и кровными братскими узами, поэтому обида Анчока – наша обида, кровь его – наша кровь, враг его – наш враг.** И тот, кто станет отнимать у него невесту, будет иметь дело с нами.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(23) – *Сегодня у нас гости из Адыгеи, которую обычно называют солнечной Адыгеей. Когда я гостил там, не было человека, который не посочувствовал нашему осетинскому горю... Сегодня мои друзья и приехали, знаю, для того чтобы выразить **свое братское отношение к нам, разделить с нами наши заботы и тревоги.*** (Немченко Г.Л. Счастливая черкеска) [10];

г) кровная месть:

(24) *Помнишь, при первой нашей встрече я все открыто высказал тебе. Если не способен отомстить за себя и нужна тебе помощь, скажи. Отвезу девушку домой, вернусь и стану мстить вместе с тобой или вместе с тобой погибну. Пусть люди скажут: «**Адыги не прощают обиды, погибли, как подобает мужчинам.**» Нет человека, которому не предстоит смерть, так **лучше сложить голову в борьбе, чем с позором носить ее.*** (Керашев Т.М. Одинокый всадник) [8].

(25) *Родители Гулез сначала воспротивились этому браку, они даже угрожали объявить Анчоку **непримиримую кровную месть**, но потом сдались на уговоры.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8];

д) свадебные обряды:

(26) *У Гулез было много поклонников. Некоторые из них, не надеясь на успех, выражали свое расположение к ней в виде принятого у адыгов мнимого **шуточного сватовства**; другие под видом той же шуточной игры старались всерьез добиться ее расположения.* (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(27) *Черкешенки получали новое имя и отчество при крещении в те времена. Да и сейчас, когда без согласия ее родителей выходит замуж адыгейка, то жених **увозит ее в другое место**, чтоб не забрали ее родители его.* (Немченко Г.Л. Газыри) [15];

е) похоронные обряды:

(28) *Случилось это перед закатом и хоронили его наутро.*

Во дворе Чесебиевых и вокруг собрался чуть ли не весь аул: не пришли только те, кто не мог встать из-за болезни или давней немоции.

Погребальные носилки подняли и тронулись быстро: душа хорошего человека всегда спешит на долгожданную встречу с Аллахом, и тело по возможности не должно отставать от нее – это известно всем...

Сменившие первых двинулись еще быстрее, все – за носилками уже едва попевали, но траурная процессия все продолжала набирать ход. Аул дошел до кладбища уже совсем медленно, и даже та часть его, которой о слезах и думать нельзя, давилась от них – что тогда говорить о женищинах: **когда мужчины с носилками пошли, а они, по обычаю, остались, все зарыдали в голос, и в спину мужчинам ударил один сплошной раздирающий душу вопль... И вдруг он потом тоже стих...**

Надо было видеть, какая чинная и уважительная торжественность царила потом на поминках, какой благородный тут царил дух! Как будто разом все вспомнили, что есть такое слово: благородство. (Немченко Г.Л. Вольный горец) [14].

Концептуальный признак «свобода»

В национальном сознании адыга свобода являлась неотъемлемой частью его существования, поэтому защищать ее он старался любой ценой. Он мог быть бедно одет, но всегда был преисполнен достоинства, независимости и личного превосходства. История знает редкие случаи, когда горцев удавалось взять в плен, поскольку неволя для них становилась страшнее смерти. Эту национальную черту адыгского этноса оставляют без внимания и адыгские прозаики и следующим образом представляют ее:

(29) Гулез спокойно и холодно сказала: – Поступок твой достоин князя, и по всему видно, что ждать от тебя уважения к женщине не приходится. Но знай: **человека, рожденного свободным и носящего в сердце стремление к свободе, невозможно поработить, – только умертвить можно.** (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(30) – А вы, – сказал он, – почему воюете и проливаете кровь свою?

– Гм! Гм! – заметил я. – Мы проливаем свою кровь из-за того, что вы, русские, не

боитесь Бога и хотите уничтожить нашу религию и **свободу** и сделать нас казаками. (Немченко Г.Л. Газыри) [15].

Концептуальный признак «язык», «слово»

Испокон веков особое значение адыги придавали слову. Дипломатия и красноречие, исходящие из нравственной и духовной культуры, высоко ценились в ментальном пространстве адыгов и отражали менталитет этноса, а также его восприятие мира. Известный отечественный этнограф Л.Я. Люлье в своих записках о Кавказе отмечал: «Здесь я считаю уместным заявить в качестве неоднократного свидетельства о том замечательном превосходстве горцев, которые проявляются в легкости, даже можно сказать красноречии изложения мыслей, во врожденной способности их вести правильные прения, к которым они имеют большую привычку» (цит. по Н. Сообцоковой). Действительно, с самого раннего детства родители собственным примером, сопряженным с духом адыгэхабзэ, показывали детям важность произнесенного слова с присущим ему сакральным значением и его влияние на жизнь человека:

(31) У адыгов высоко ценят умное слово, и не случайно само слово **«псатль» означает по-адыгски «выражение души»**. (Керашев Т.М. Дочь шапсугов) [8].

(32) На джегу господствовал строгий порядок. Блюстителем порядка, полновластным жрецом джегу являлся джегуако. Обычно это бывал искусный импровизатор, талантливый артист-самородок. Он имел на джегу непререкаемую власть и право покарать провинившегося искусством. **Одно острое слово – и человек обречен на позор. Восхваляющая песня – и человек вознесен на вершину славы.** (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

Концептуальный признак «джегу»

Огромное значение в развитии физического и нравственного воспитания в традиционной культуре адыгов занимали адыгские игрища «джегу», которые на протяжении многих веков устраивались адыгами по самым различным поводам и зачастую носили ритуальный характер, начиная от танцевального этикета и заканчивая погребальными обрядами (поминальное игрище).

В предисловии к книге Б.Х. Бгажнокова «Черкесское игрище» проф. Ш.Д. Инал-ипа твердо убежден в том, что труд этот – книга ученого – не только увлекательный рассказ о типах и формах организации джегу – от оповещения об игрище до раздачи призов и торжества закрытия – по новизне материала и нетривиальным выводам представляет несомненный вклад в этнографическую науку [16, с. 5-7].

Наиболее частыми семантическими характеристиками данного концептуального признака в художественном дискурсе Т.Б. Керашева и Г.Л. Немченко служат коннотации, определяющие свадебные игрища и игрища в честь девушки, сопровождающиеся песнями и танцами:

(33) – *Хочешь знать, что будет завтра? – понимает Мурад. Мы приготовили тебе маленький сюрприз: пригласили тебя на тот день, когда у нас в Адыгее будет джегу – старинное игрище черкесов...* (Немченко Г.Л. Счастливая черкеска) [10, с. 199].

(34) *Как-то на большом свадебном игрище – джегу он вышел победителем во всех видах состязаний.* (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

(35) – *В Темиргое девушке, которая славится красотой и достоинствами, предоставляют право одной исполнить на джегу почетный танец.*

– *Красивый обычай. Хорошо бы посмотреть... – нерешительно произнес Ерстэм.* (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

(36) *Он подозвал джегуако (народный исполнитель. – С. С.) и попросил его пригласить девушку на танец. Гулез вышла из полукруга, сбросила высокие деревянные башмаки и в тонких сафьяновых чупячках последовала за Хатхе.* (Керашев Т.М. Одинокий всадник) [8].

Таким образом, концепт ‘адыгагъэ’ в языковой картине мира предстает как многокомпонентный конструкт, включающий в себя множество концептуальных признаков, часть из которых представлена базовыми культурными концептами русской и адыгской лингвокультур, и, находя реализацию в художественном дискурсе, репрезентирует основные понятия и принципы морально-этического поведения адыгского этноса. Прделанный анализ позволяет заключить,

что писатели Т.М. Керашев и Г.Л. Немченко щедро вносят в ткань своих произведений примеры духовно-нравственной культуры адыгов, взятых из реальной жизни, тем самым изображая в языковой картине мира специфику адыгской ментальности как образец гармоничных отношений в духовной атмосфере всего общества.

Список литературы

1. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
2. Унежеев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. 512 с.
3. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Архангельск, 1997. Вып. 1. С. 11-35.
4. Ханаху Р.А. Морально-этический феномен «адыгагъэ» – основа народной культуры // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 177-184.
5. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Изд-во ЭЛЬ-ФА, 1999. 96 с.
6. Ляушева С.А. Религиозные аспекты феномена «адыгагъэ» (история и современность): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997.
7. Намитоков Ю.К. Адыгейская народная педагогика о воспитании детей // Сборник статей кафедры педагогики и психологии Адыгейского пединститута. Майкоп, 1957. С. 33-39.
8. Керашев Т.М. Избранное / предисл. У.М. Панеша. Майкоп, 1997. 600 с.
9. Альборова Л.И. Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2002. URL: <http://cerkesarastirmalari.org> (дата обращения: 15.03.2017).
10. Немченко Г.Л. Счастливая черкеска. Владикавказ: Ир, 2008. 208 с.
11. Непсо М. Адыгская художественная культура. Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. 204 с.
12. Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993.
13. Шадже А.Ю. Национальные ценности и человек (социально-философский аспект). Майкоп: Изд-во АГУ, 1996. 168 с.
14. Немченко Г.Л. Вольный горец. Повести и рассказы. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2010. 440 с.
15. Немченко Г.Л. Газыри. Рассказы. Майкоп, 2006. 384 с.
16. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991. 188 с.

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.

Отрецензирована 23.05.2017 г.

Принята в печать 05.07.2017 г.

Информация об авторе

САПИЕВА Саида Казбековна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Республика Адыгея, Российская Федерация, e-mail: atika16@yandex.ru

Для цитирования

Сapieва С.К. Языковая картина мира как экспликация национальной ментальности адыгского этноса // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 28-37.

UDC 81'37

LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD AS EXPLICATION OF NATIONAL WAY OF THINKING OF ADYGHE ETHNOS

© Saida Kazbekovna SAPIEVA

Adyghe State University

208 Pervomayskaya St., Maykop, Republic of Adyghea, Russian Federation, 385000

E-mail: atika16@yandex.ru

Abstract. The basic characteristics of the term “linguistic view of the world” and its connection with national-cultural sphere of a definite ethnos are analyzed. The basic aim of this study is the description of national way of thinking of Adyghe ethnos through the linguistic view of the world. The basic unit of Adyghe ethnic way of thinking interpretation of the concept ‘adygage’ (= “adyghe”) is significant for this linguistic culture. From the point of view of linguists adygage – is moral and ethic, legal and world view fundamental with norms and rules of behavior in all life situations, on which the whole philosophy is based on Adyghe existence. To analyze the conceptual characteristics, representing this concept the artistic texts of writers, being the bearers of Adyghe notion, were selected. To reach the set tasks, the different methods and receptions were used, among them the basic is conceptual, contextual, descriptive, quantitative and semantic approaches and also the methods of keywords revealing is used. The analysis of these characteristics shows that the concept ‘adygage’ in the author’s hypertext grows into superconcept, absorbing not only specific verbalizations of the studied ethnic mentality (such conceptual features as “djegy” (game), “adyge habze” (Adyghe etiquette), “ky'nac'estvo”), but also cultural concepts (‘native country’, ‘family’, ‘freedom’).

Keywords: linguistic view of the world; concept; mindset; adyghe; conceptual features

References

1. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative Aspect of Nominative Units Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1986. (In Russian).
2. Unezhev K.K. *Kul'tura adygov (cherkesov) i balkartsev* [Culture of Agyghe People (Circassians) and Balkarians]. Nalchik, 2003, 512 p. (In Russian).
3. Lyapin S.K. *Kontseptologiya: k stanovleniyu podkhoda* [Conceptology: to the becoming of the approach]. *Kontsepty* [Concepts], 1997, no. 1, pp. 11-35. (In Russian).
4. Khanakhu R.A. *Moral'no-eticheskiy fenomen «adygag"e» – osnova narodnoy kul'tury* [Moral-ethic phenomenon “adygage” – the basis of public culture]. *Mir kul'tury adygov* [The World of the Circassians' Culture]. Maykop, 2002, pp. 177-184. (In Russian).
5. Bgazhnokov B.K. *Adygsкая etika* [Adyghe Ethics]. Nalchik, EL-FA Publ., 1999, 96 p. (In Russian).
6. Lyaushva S.A. *Religioznye aspekty fenomena «adygag"e» (istoriya i sovremennost'): avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk* [Religious Aspects of the Phenomenon “adygage” (History and Modern World). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1997. (In Russian).

7. Namitokov Y.K. *Adygeyskaya narodnaya pedagogika o vospitanii detey* [Adyghe folk pedagogy about children's education]. *Sbornik statey kafedry pedagogiki i psikhologii Adygeyskogo pedagogicheskogo instituta* [Digest of Articles of Pedagogy and Psychology Department of Adyghe Pedagogical Institute]. Maykop, 1957, pp. 33-39. (In Russian).
8. Kerashev T.M. *Izbrannoe* [Selected Works]. Maykop, 1997, 600 p. (In Russian).
9. Alborova L.I. *Adygsкая etika i pervichnaya sotsializatsiya v traditsionnoy sisteme vospitaniya* [Adyghe Ethics and Primary Socialization in Traditional System of Education]. Nalchik, Poligrafservis i T Publ., 2002. (In Russian). Available at: <http://cerkesarastirmalari.org> (accessed 15.03.2017).
10. Nemchenko G.L. *Schastlivaya cherkeska* [Happy Chokha]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2008, 208 p. (In Russian).
11. Nepso M. *Adygsкая khudozhestvennaya kul'tura* [Adyghe Artistic Culture]. Maykop, RIPO «Adygeya» Publ., 2000, 204 p. (In Russian).
12. Mamkhegova R.A. *Oчерки об адыгском этикете* [Outline of Adyghe Etiquette]. Nalchik, 1993. (In Russian).
13. Shadzhe A.Y. *Natsional'nye tsennosti i chelovek: (Sotsial'no-filosofskiy aspekt)* [National Values and Human: (Social-Philosophic Aspect)]. Maykop, Adyghe State University Publ., 1996, 168 p. (In Russian).
14. Nemchenko G.L. *Vol'nyy gorets. Povesti i rasskazy* [Free Mountaineer. Narrative and Stories]. Maykop, Adygei Republican Book Publishing House, 2010, 440 p. (In Russian).
15. Nemchenko G.L. *Gazyri. Rasskazy* [Gazyri. Stories]. Maykop, 2006, 384 p. (In Russian).
16. Bgazhnokov B.K. *Cherkesskoe igrishche* [Circassian Game]. Nalchik, 1991, 188 p. (In Russian).

Received 28 April 2017

Reviewed 23 May 2017

Accepted for press 5 July 2017

Information about the author

SAPIEVA Saida Kazbekovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Language as Foreign Department, Adyghe State University, Maykop, Republic of Adygea, Russian Federation, e-mail: atika16@yandex.ru

For citation

Sapieva S.K. Yazykovaya kartina mira kak eksplikatsiya natsional'noy mental'nosti adygskogo etnosa [Linguistic view of the world as explication of national way of thinking of Adyghe ethnos]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 28-37. (In Russian, Abstr. in Engl.).